

В доме, где я выросла, фотографиям родных и близких всегда выделялось особое место. В секретере хранились большие фотоальбомы, до отказа заполненные черно-белыми снимками, сделанными любительским способом либо на заказ. В гостиной на стене почетное место занимали портреты моих бабушек и дедушек, фото родителей, моих утренников в детском саду и первой школьной линейки, выписки из роддома брата Антошки. В детстве я любила рассматривать фотографии, отмечать возрастные изменения в лицах людей, изображенных на снимках и живущих рядом с нами. С удовольствием слушала истории из жизни многочисленной родни нашей семьи, встречающейся за одним столом лишь по особым случаям. Папа с радостью рассказывал обо всех, кто был изображен на этих фото, кроме одной женщины, всегда стоящей рядом с отцом на снимках. Это молодая красивая блондинка была лет на десять моложе отца. На всех фото она широко улыбалась и производила впечатление счастливой и веселой девушки. Сколько бы я ни упрашивала папу рассказать про таинственную незнакомку, в ответ слышала лишь одно: «Это моя непутевая сестра Света, которая давно умерла». Несколько раз я пыталась узнать историю жизни моей тетушки у бабушки Веры (мамы отца), но она отмахивалась и тихонько плакала. Иногда её имя упоминали за накрытым столом, но только во фразах типа «царствие небесное» или «светлая память»...

Со временем интерес к этой родной по крови незнакомке стал угасать, мне просто нравилось смотреть на модно одетую, уверенную в себе красотку. Моя мама была совершенно другой. Она редко делала маникюр, красила волосы дома в ванной, одевалась со вкусом, но очень скучно. Петь не умела, выпивала редко, танцевать не любила. Единственной её привязанностью был папа. Она всегда жила его интересами, ждала с работы у окна, никогда не спорила, шумных компаний избегала, в свободное время любила вязать крючком или читать русскую классику. Папа смотрел на маму как на божество, часто дарил цветы, называл своим сокровищем. Они любили друг друга, но, став девушкой, я не понимала, как мама, внешне больше напоминавшая серую мышь, могла завоевать сердце такого красавца, как мой отец.

Брат Антошка был маменькиным сынком, обожал, когда мама гладила его по голове, и не мог уснуть без её поцелуев в щечки. Моя энергия была совершенно другой. В школе я увлеклась творчеством русской рок-группы «Агата Кристи». Любила красить губы коричневой помадой, а ногти в четный цвет. На карманные деньги покупала кожаные напульсники и в обувной мастерской просила пробить в них шипы. Пяти минут не могла прожить без музыки и тайком бегала на дискотеки. В школу ходить не любила, часто сбегала с уроков, рано научилась врать, в старших классах стала курить и подделывать подписи родителей в дневнике.

В последний год обучения я всё-таки прокололась. Перед контрольной работой по химии я решила в очередной раз смыться с уроков. Написав от имени мамы записку с просьбой освободить меня от занятий по случаю приготовления званого обеда в честь отца и вручив поддельный документ классной руководительнице, я убежала в музыкальный магазин поглазеть на новинки.

Вечером дома меня ждал грандиозный скандал. Отец был в ярости, он случайно встретил мою «классуху» на улице и, получив поздравление с днем рождения, не сразу понял в чём дело. Учительница рассказала, что тронута моей любовью к семье и объяснила, что каждую неделю она получала трогательные послания от родителей с просьбами отпустить их дочь для помощи в ремонте труб, стен, замков, сопровождении в больницу и прочие важные мероприятия. Вернувшись домой, отец перевернул мой шкаф и обнаружил две пачки сигарет. Весь вечер мне пришлось изворачиваться и врать про чужие сигареты и недалекость классной руководительницы. После моих клятв отец немного успокоился, но предупредил о тотальном контроле учебного процесса.

Сдав выпускные экзамены кое-как, я решила никуда не поступать и годик отдохнуть от учебы. Родителям соврала, будто отдала документы в профтехучилище на отделение поваров и запланировала весело провести летний отдых.

На первой дискотеке по случаю Дня молодежи я познакомилась с Кирюшей, чудесным веселым парнем, который сразу обратил на меня внимание. Мы веселились, что-то пили, курили и знали, что молоды и счастливы. Дома я сумела тихонько пробраться в свою комнату, но внезапно подступившая рвота моментально перебудила весь дом. На следующее утро со мной проводили разъяснительную беседу, пытались стыдить, просили взяться за ум и начать думать о будущем. Но в моей голове были мысли о музыке и Кирилле, так жарко целовавшем меня накануне ночью.

С появлением Кирилла моя жизнь заиграла новыми красками. Любовь к музыке оказалась лишь легким увлечением. Настоящую страсть я почувствовала, когда стала близка с Кириллом. Его горячие губы и руки дарили восторг, необычного вкуса дым от папирос дурманил мои мысли, погружая в бесконечное наслаждение. Вскоре я поняла, что не могу больше находиться в кислом, тусклом, скучном доме родителей и заявила, что ухожу жить к Кириллу. Услышав мои слова, отец вместо криков поднял руки к небу и сказал: «Господи, неужели всё начинается снова?» Мама стала плакать, просила меня опомниться, требовала выдать адрес этого развратника, чтобы посадить его в тюрьму,

потом попыталась выхватить из моих рук сумку с вещами, но папа успокоил её и сказал: «Милая, отпусти, ты же знаешь, что мы её не удержим». Мама закрыла руками лицо и горько заплакала. Их реакция была непонятной, но уточнять все нюансы я не стала. Забросила сумку на плечо и захлопнула за собой дверь, чтобы впервые без оглядки встретить рассвет с самым потрясающим парнем на свете.

В общежитии, где жил Кирилл, уже собралась компания. Запасные ключи от двухкомнатной секции хранились в электрическом щитке, поэтому ребята без труда открыли жилище и решили начать вечеринку без хозяина, набрали пиво и раскуривали папиросы. Мой возлюбленный появился почти за полночь в компании рыжеволосой особы. Они оба были пьяны и решили быстро удалиться в нашу спальню. Изрядно приняв горячительных напитков, я ворвалась в комнату и стала скандалить. В ту ночь девушка покинула квартиру Кирилла, но через неделю я застала их снова в одной постели. Кирилл даже не смутился; сказал, что я ему надоела. У меня не было работы и денег, я не умела готовить еду, дом содержала в беспорядке, поэтому он решил меня заменить. От бешенства я чуть не сошла с ума. Приняв несколько порций какой-то бурды, я схватила первую попавшуюся пустую бутылку из-под пива и запустила ею в изменника. Кирилл увернулся, бутылка разлетелась вдребезги, ударившись о стену. Он подскочил ко мне и сильно врезал кулаком в лицо. Всё потемнело в глазах, кровь хлынула из носа, я упала и потеряла сознание...

Очнулась я, когда за окном было уже темно. Скорую помощь мне никто не вызвал, компания друзей Кирилла снова раскуривала папиросы и пила пиво, из соседней комнаты доносились характерные стоны и скрип кровати. Приятели с пьяной улыбкой приветствовали меня словами: «Проснулась, крошка, хочешь пива?» Я поплелась в ванную. От удара у меня заплыли оба глаза, нос был отеком, переносица отливала синим цветом, на подбородке и щеках осталась засохшая кровь. Глядя на себя в зеркало, я испугалась. Голова сильно кружилась, тошнило, хотелось домой, но я не знала, как показаться родителям на глаза. Решение убраться из общаги пришло мгновенно, когда я услышала в кухне спор пьяных приятелей о том, кому я должна была достаться.

Выскочив на улицу, я почувствовала приятную летнюю прохладу, слезы лились по моим щекам, мне было жалко себя, стыдно перед родителями, горько от потери любимого человека... Я вдруг вспомнила сестру отца Свету, про которую родственники старались не вспоминать, и поняла, что меня ждала та же участь. Рядом с подъездом своего дома я села на лавочку и заплакала навзрыд. Через несколько часов на улице резко похолодало, я замерзла и поняла, что нужно было собраться с мыслями, чтобы переступить порог своего дома.

Дверь открыл отец. Прокуренная, побитая, заплаканная я упала на его грудь и зарыдала в голос. На шум вышла вся семья. Антошку тут же вернули спать. Мама закрыла входную дверь и тоже вернулась в спальню. Без лишних расспросов отец предложил переодеться и завел двигатель своей машины, чтобы отвезти меня в травмпункт для проверки состояния костей носа и определения тяжести черепно-мозговой травмы. В больнице лишних вопросов не задавали, запах алкоголя, который шел от меня, был красноречивее слов. Доктор покрутил в руках снимки и уверил, что головокружение и тошнота является последствием интоксикации и сильного удара, но сотрясения мозга не случилось, нос остался целым. На что папа язвительно заметил: «Конечно, не случилось, там нечему сотрясаться, мозгов же нет». Его колкость пришлось принять молча, без обид и споров. Доктор засмеялся в голос, прописал постельный режим и легкие успокоительные средства, пожелал здоровья и отпустил нас домой.

В машине я первой начала разговор: просила прощения, обещала начать учиться, по вечерам работать, помогать маме по хозяйству, но умоляла не выгонять меня из дома. Папа ехал молча, глубоко вздыхал, а потом перебил меня и спросил, помнила ли я его сестру Свету на старых фотографиях. В ответ я одобрительно кивнула головой. «Хочешь, я расскажу о её судьбе?» – спросил папа. К тому времени я догадалась, что Светлана принесла много горя своей семье, но мне безумно хотелось узнать о жизни этой таинственной девушки. Мы припарковались возле нашего подъезда, и отец начал свой рассказ.

Мой папа появился на свет, когда его родителям было чуть больше двадцати лет. Молодая пара бегала в кинотеатр, на танцы, концерты и постоянно оставляла малыша у друзей и подруг. Мальчик рос «сыном полка» и был обожаем всеми без исключения. Со временем молодежь остепенилась и превратилась в солидных родителей с ответственным отношением к своему потомству. Они захотела завести второго ребенка. Последствия первых родов были такими тяжелыми, что лечиться и восстанавливаться молодой маме пришлось десять лет. Когда старшему сыну исполнилось двенадцать, на свет появилась маленькая сестричка Свенька (так ласково он называл свою кровиночку). С тех пор весь мир стал крутиться только вокруг неё. Её одевали в лучшие наряды, покупали самые дорогие сладости, потакали любым капризам и вырастили избалованной девчонкой. Она могла нагрубить матери, огрызнуться с отцом, только брата немножко побаивалась и любила всем сердцем. Ведь он всегда носил сестричку на руках и заплетал косички. Называл своей принцессой и был уверен, что никогда никому не даст её в обиду.

Обладая высоким ростом, прекрасной фигурой, длинными белоснежными волнистыми волосами, в подростковом возрасте Света решила, что является королевой красоты, которой непременно нужна роскошная жизнь и спутник дворянского происхождения. Но в небольшом городке, где жила их семья, обитали обычные работающие парни, не имеющие бриллиантов и родственных связей с королями. Закончив восемь классов образовательной школы и музыкальную школу по классу виолончели с отличием, талантливая красавица решила поступить в музыкальное училище в соседнем городке – областном центре. К тому моменту отец семейства скоростижно скончался, переложив все обязательства по содержанию своих женщин на плечи старшего сына.

Свою семью мой отец тогда еще не создал, поэтому все деньги, которые он зарабатывал, тратил на нужды своей мамы и сестры. Он брал подработку, чтобы купить лучшую виолончель для будущего виртуоза, шабашил для концертных нарядов и обуви, «крутился» для оплаты ежедневных нужд своих женщин, но пришел в бешенство, когда узнал, как на самом деле жила сестричка. Она сорила деньгами, любила одеться не по карману и бесконечно находилась в долгах у своих друзей. Бабушка каждую неделю ездила к ней в общежитие, чтобы постирать белье и приготовить еду. Отведя глаза, она говорила, что Света – будущий великий музыкант, ей не пристало возиться с бытовыми и мирскими проблемами. Немолодая женщина трудилась на огороде и в доме, работала уборщицей в конторе лесхоза, счастья больше не ждала, поэтому решила своей дочери устроить другую судьбу.

Тогда отец пришел в ярость и потребовал, чтобы Свенька повзрослела, перестала эксплуатировать близкого человека и взялась за ум. Свою маму он умолял прекратить прислуживать этой госпоже музыкантше, но она была непреклонна и продолжала обихаживать свою дочку-цветочек. Через время отцу предложили работу с хорошим заработком в другом городе, он согласился и переехал, но часто навещал родных. Вскоре отец стал замечать, что в доме стали исчезать ценные вещи, и узнал от своей мамы, что Светочка сняла квартиру, потому что не может заниматься музыкой в общежитии. Решив разузнать, как идут дела у сестрички, он решил её навестить.

Веселая, красивая, молодая Свенька пищала от радости, словно ребенок, увидев любимого брата. Кинулась ему на шею, расцеловала в обе щеки. Гнев отца мгновенно испарился, но настрой откровенно поговорить с сестрой остался. Она смеялась, от разговоров отшучивалась и пригласила в дом. Когда он переступил порог её съемной квартиры, обмер. Повсюду валялись бутылки из-под водки, на кухне везде был разбросан мусор и окурки, в воздухе стоял устойчивый запах протухшей еды, постельное белье было замызганным, кровать не убрана. На вопрос, что это такое, Свенька растерянно улыбалась и говорила, что утром проспала в училище и не успела убраться. «Какой проспала?! – закричал отец. – Этому бардаку не меньше недели!» Сестричка

махнула рукой и сказала, чтобы он не пузырился. В эту минуту распахнулась дверь, и в квартиру ввалился какой-то мужик. Сестричка обрадовалась ему, захлопала в ладоши, предложила познакомиться со своим возлюбленным. Пузатый мужчина небольшого роста не походил на принца, но сестричка смотрела на него с обожанием. Забулдыга достал из брюк бутылку водки и предложил бахнуть за знакомство. В бешенстве отец выкинул его из дома и потребовал, чтобы сестра срочно собрала свои вещи, потому как она возвращалась домой. Свенька начала плакать, обещала исправиться, при нём начала мыть полы, просила простить её и оставить в квартире для сдачи выпускных экзаменов в музыкальном училище. Тогда отец поверил обещаниям сестры, он был уверен, что под страхом вернуться домой она возьмётся за голову, но ошибся. Её пьяные компании менялись одна на другую. Из дома матери она вытянула всё, что можно было взять в руки, кое-как окончила училище и, не получив приличного распределения, решила поступить в консерваторию. Она снова попросила помощи. Обещала, что только консерватория сможет уберечь её от пагубной привычки. Света рыдала и сетовала на провинциальных бесталанных педагогов училища, которые её недооценили. Отец снова поверил этим клятвам и слезам, ведь он слышал, как она божественно играла. Когда деньги на билеты были пропиты, сестра снова объявилась и соврала, будто их украли. Отец посмотрел в её мутные глаза и понял, что никакой консерватории не будет...

Сестра снова стала рыдать, просила помочь. Протягивая руки к брату, он заметил, как они сильно дрожали. Только тогда ему по-настоящему стало страшно за свою маленькую сестренку. От беспомощности и невыносимой душевной боли ему хотелось завывать, но, взяв себя в руки, отец предложил Свеньке начать лечиться. Она вдруг рассмеялась и ответила, что вовсе не больна, просто нуждается в хорошем содержании. Рассказала, что снова влюблена, собирается выйти замуж, а в консерваторию планирует поступить в следующем году. Он достал деньги, но понимал, куда они уйдут.

Света исчезла на несколько месяцев, потом возникла с кучей долгов и проблем. Снова и снова обещала начать учиться и заняться карьерой музыканта. Иногда появлялись её пьяные приятели, требовали возврата очередных долгов. Через несколько месяцев сестричка снова появилась в слезах, говорила, что её возлюбленный ей изменил, они расстались, но оказалось, что предатель успел сделать ребеночка несчастной сестре...

Свенька попросила денег на аборт, она не хотела иметь ничего общего с этим мерзким типом. Отец снова помог, но просил сходить к врачу вместе с мамой. К тому времени бабушка уже не пыталась повлиять на дочь. Тихонько плакала и всё время просила у старшего сына прощения.

Отец замолчал на мгновение, в темноте я увидела слезы в его глазах. Мне хотелось его обнять, я стала объяснять, что оступилась всего лишь раз, всё осознала, обещала хорошо учиться, создать нормальную семью, клялась не повторить судьбу своей непутевой родственницы. Отец посмотрел на меня и ответил, что Света не приходилась мне теткой, она была моей матерью...

От удивления я потеряла дар речи. Отец опустил глаза и продолжил, что, получив деньги на аборт, сестра вновь исчезла на несколько месяцев. На съемной квартире она больше не появлялась, задолжав арендодателю плату за полгода. Рассчитавшись с долгами, по давно отработанной схеме отец стал звонить подругам, случайным приятелям и собутыльникам сестры, номера которых записал в телефонную книгу. Лишь десятый контакт сообщил, что сестренка была на сносях и поселилась у соседки по дому, где решила доносить ребенка. Собрав сбережения, он отправился в дом, чтобы найти сестру. Обходить все квартиры он не стал, воспользовался наблюдательностью бабушек на лавочке и отправился в подъезд, на которую указали «местные блюстители порядка».

Нужная квартира оказалась на первом этаже, он постучал в дверь и затаил дыхание. Через несколько минут дверь распахнулась. На пороге стояла измученная и бледная Свенька. От бывшей красавицы ничего не осталось: вылезшие волосы на голове были подстрижены на мужской манер, черные круги под глазами больше напоминали заживающие синяки от ударов, чем последствия усталости. Мутными глазами сестра посмотрела на брата и улыбнулась. Отец заметил отсутствие двух передних зубов у Свеньки. Сестра потянулась к отцу дрожащими руками и невнятно поздоровалась. Она снова была пьяна.

Отец переступил порог нового дома сестры и к своему удивлению обнаружил везде чистоту и порядок. Он похвалил сестру, но она рассмеялась противным смехом и сказала, что до сих пор ничего не умеет делать. «Это всё она», – тыча пальцем в сторону кухни пробормотала сестра. На встречу к отцу вышла молодая женщина лет тридцати, она поздоровалась и представилась Лилей.

Я затаила дыхание, ведь так звали мою маму, но перебивать отца не стала. Отец, не обращая внимания на мой удивленный вид, продолжил.

Возвращаясь с работы, соседка по подъезду обнаружила пьяную Свету возле своей

квартиры. Невменяемая сестренка, возвращаясь с вечеринки, перепутала подъезды, стала ломиться не в свою квартиру, устала и заснула прямо на коврике. Лиля затащила Свету к себе домой, утром выслушала историю о её трудной жизни, пожалела и оставила жить у себя. Вскоре она стала свидетельницей загулов Светланы, просила опомниться ради ребенка, но в ответ получала порцию грубых выражений в свой адрес. На утро Света просила прощения, клялась, что ради ребенка была готова свернуть горы, но через неделю всё повторялось вновь. На вопрос, почему Лиля не выставила горькую пьяницу из дома, она грустно улыбнулась и сказала, что пожалела еще неродившееся дитя, которому и так не повезло с родителями.

Вместе с Лилей они смогли заставить встать не учет нерадивую будущую мать. После сдачи всех анализов врачи поставили неутешительный диагноз – рак легких. На фоне сердечной недостаточности, развившейся после многолетних пьянок, самостоятельно родить ребенка Света не смогла. Когда врачи ввели наркоз, чтобы выполнить кесарево сечение, сердце молодой женщины остановилось...

За годы такой напряженной жизни отец сильно устал, но до сих пор всем сердцем любил свою маленькую Свеньку. Когда доктор сообщил о смерти сестры, сил не было даже на слезы. Увидев сестричку в гробу, отец почти выл, словно раненый зверь.

После роддома меня отдали в дом малютки. Органы опеки наотрез отказались давать разрешение на мое удочерение: бабушка к тому времени приобрела кучу болячек, отец был холост, Лиля – незамужняя чужая женщина. После вручения очередного отказа секретарь комиссии по усыновлению как бы в шутку предложила отцу жениться на Лиле, чтобы забрать дитя из дома малютки.

Вечером был собран семейный совет и обсуждены условия фиктивного брака. Лиля собралась оформлять декретный отпуск на работе, отец пообещал все расходы по содержанию ребенка взять на себя, бабушка поклялась окружить внуку заботой. Такой трехсторонний договор был продуман до мелочей. Но когда все документы были подписаны, разрешение органа опеки получено, всем стало понятно, что ребенку нужна настоящая семья. Когда отец взял меня впервые на руки, понял, что не сможет расстаться с копией своей сестрички даже на день. Увидев меня, бабушка проплакала несколько часов, так сильно я была похожа на свою мать. Нужно было решить, какая роль достанется Лиле, но она оказалась душевным, мягким человеком и вскоре призналась отцу, что много слышала о нём от Светланы и тайком называла волшебником. Она была заочно влюблена в него, но на взаимность не рассчитывала, считала себя невзрачной замарашкой. В любви ей не везло, личная жизнь не

складывалась, но чужая дочь помогла растопить лед в сердцах Лили и отца, чтобы соединить наши судьбы навсегда...

Отец замолчал, в машине повисла тишина. На улице стало заметно светлее, я глянула на часы и поняла, что мы проговорили всю ночь. Последствия сильного удара и остатки былой вечеринки пульсировали болью в голове, но она оказалась совершенно безобидной по сравнению с чувствами, которыми наполнилось моё сердце. Я не могла поверить в то, что первый год своей жизни провела в доме малютки, близкие люди мне оказались вовсе не родителями, Антошка – седьмая вода на киселе. Мне наконец-то стало понятно то таинственное притяжение, которое я ощущала, когда брала в руки фото Светланы. Мне хотелось что-то сказать, но ничего подходящего не приходило на ум, я лишь попросила отца свозить меня на кладбище к родной незнакомке. В знак согласия он махнул головой, но все с той же тоской посмотрел на меня. Папа объяснил, что ничего не изменится, мое раскаяние будет меняться новыми приступами запоев и загулов, потому что генетику никто не в силах исправить, моя судьба, по его мнению, была предreshена, но в жизни он оставлял место для чуда.

Отец предложил вернуться домой и немного поспать. Уснуть в ту ночь мне не удалось. Утром я не знала, как показаться на глаза маме, подарившей чужому неблагодарному ребенку дом, семью и столько тепла. Она, будто почувствовав мою неловкость, зашла ко мне в комнату первой. Мягкая нежная улыбка озаряла её миловидное лицо. Мама присела на край кровати и погладила меня по голове. «Тебе больно, милая?» – спокойным голосом спросила она. «Очень», – ответила я и, прижавшись к ней покрепче, горько заплакала. Антошка стал стучать в мою дверь, но папа запретил нам мешать. Нам с мамой действительно было о чём поговорить.

Следующим испытанием стала встреча с бабушкой. Она, узнав про откровенный разговор с отцом, так разволновалась, что попала в больницу с сердечным приступом. Тогда я поняла, что мои родные люди ждали от меня только проблем и несчастий. Мне пришлось многое переосмыслить, чтобы «не оправдать» их надежд.

В одном папа оказался прав: гены мамы я исправить или изменить не в силах. Как и она, я люблю красиво и ярко одеваться, слушать хорошую музыку, обожаю шумные компании, внимание мужчин. Со временем я стала мягче в общении, научилась беречь и делать приятные сюрпризы своим близким людям, одним из которых стало окончание профтехучилища с отличием. Я стала поваром и смогла выиграть профессиональный конкурс, по результатам которого мне предложили работу в шикарном ресторане нашего города. Мне до сих пор нравится танцевать, я умею веселиться, считаюсь душой любой

компании, но стараюсь не причинять горя своей семье.

В квартире, которую я купила сама, фотографиям родных уделено почетное место. Портреты родителей, снимки с выпускного бала Антошки, празднования 75-летия бабушки, общие новогодние фото. В ней есть место и для портрета моей такой родной и вовсе незнакомой мамы Светы. Наши с ней мечты о роскошной жизни были очень схожими, только в отличие от мамы, родной мне по крови, я не живу за счет близких мне людей, сама стараюсь окружить их заботой. В личной жизни мне пока не везет, но я не ищу потомка королевских кровей. Мечтаю встретить мужчину, способного удержать, сохранить огонь моей души в своих руках...

Ариша ЗИМА